

Сухих О. С. Мотивы повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» в романе А. В. Иванова «Ненастье» / О. С. Сухих, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 240—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250.

Sukhikh, O. S., Yuhnova, I. S. (2021). Motives of Story “Queen of Spades” by Alexander Pushkin in Novel “Bad Weather” by Alexander Ivanov. *Nauchnyi dialog*, 6: 240-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250

**Мотивы повести
А. С. Пушкина «Пиковая
дама» в романе
А. В. Иванова «Ненастье»**

Сухих Ольга Станиславовна
orcid.org/0000-0002-1670-880X
доктор филологических наук, доцент
ruslitxx@list.ru

Юхнова Ирина Сергеевна
orcid.org/0000-0003-2835-3070
ResearcherID AAD-1355-2020
доктор филологических наук, профессор
yuhnova_nngu@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

**Motives of Story “Queen
of Spades” by Alexander
Pushkin in Novel “Bad
Weather” by Alexander
Ivanov**

Olga S. Sukhikh
orcid.org/0000-0002-1670-880X
Doctor of Philology, Associate Professor
ruslitxx@list.ru

Irina S. Yuhnova
orcid.org/0000-0003-2835-3070
ResearcherID AAD-1355-2020
Doctor of Philology, Professor
yuhnova_nngu@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Сухих О. С., Юхнова И. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама» и роман А. В. Иванова «Ненастье» с точки зрения литературных взаимосвязей, используется метод интертекстуального анализа. Целью исследования становится выявление параллелей в проблематике, мотивной структуре и системах образов этих произведений. Анализируются взаимосвязи произведения А. Иванова и непосредственно с текстом «Пиковой дамы», и с эпиграфом к ней. Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что пушкинскую повесть и роман А. В. Иванова связывает образ ненастья как фон развития действия. Отмечается, что в обоих произведениях художественно реализована тема смены эпох, причём прошлое осмысливается как время гораздо более яркое и наполненное смыслом, чем настоящее. Исследуемые произведения объединяет также сюжетообразующий мотив игры с судьбой, а он, в свою очередь, связан с темой страсти к деньгам. Кроме того, общность можно отметить в характерах героев и принципах их репрезентации; в определённой мере сходны судьбы и характеры героинь произведений. Сопоставление с пушкинской повестью помогает увидеть в романе А. Иванова «Ненастье» глубокую философскую проблематику.

Ключевые слова:

роман А. Иванова «Ненастье»; интертекстуальность; сопоставление эпох; мотив игры с судьбой.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novel by A. Pushkin “The Queen of Spades” and the novel by A. V. Ivanov “Bad weather” from the point of view of literary relationships is examined in the article, the method of intertextual analysis is used. The aim of the study is to identify parallels in the problematic, motivational structure and systems of images of these works. The article analyzes the relationship between the work of A. Ivanov and directly with the text of “The Queen of Spades”, and with the epigraph to it. The results of the research allow us to conclude that the image of bad weather as a background for the development of action connects the Pushkin story and the novel by A. V. Ivanov. It is noted that in both works the theme of the change of epochs is artistically realized, and the past is interpreted as a time much brighter and more meaningful than the present. The studied works are also united by the plot-forming motive of playing with fate, which, in turn, is associated with the theme of passion for money. In addition, commonality can be noted in the nature of the characters and the principles of their representation; to a certain extent, the fates and nature of women characters of the works are similar. Comparison with Pushkin's story helps to see deep philosophical problems in A. Ivanov's novel “Bad Weather”.

Key words:

A. Ivanov's novel “Bad Weather”; intertextuality; comparison of epochs; the motive of the game with fate.

Мотивы повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» в романе А. В. Иванова «Ненастье»

© Сухих О. С., Юхнова И. С., 2021

1. Введение

Понимание художественного текста как диалога, восходящее к идеям М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотмана и других известнейших исследователей, развивается и по сей день, поскольку в произведении всегда обнаруживаются «прошлые смыслы» [Бахтин, 1979], в свою очередь, обретающие интересные грани в соотношении со смыслами новыми; в тексте проявляется не один субъект высказывания, и с каждым из них соотносится своя художественная система [Фатеева, 2000].

Роман А. Иванова «Ненастье» — это картина постсоветской эпохи, художественно осмысленная автором в разных аспектах. И наиболее глубоко проникнуть в суть этой картины можно при условии понимания филологического вертикального контекста [Ахманова и др., 1977; Гюббенет, 1991] романа, тех литературных взаимосвязей, которые лежат в основе созданного писателем образа времени. Не случайно само слово *текст*, как отмечал Ю. Лотман, имеет «этимологию переплетения» [Лотман, 1998, с. 436]. В свете «переплетения» одного текста с другим всегда можно увидеть его содержание более многомерно.

В романе «Ненастье» есть явные и неявные переключки со многими текстами русской классики, и особую роль, на наш взгляд, играют в этой интертекстуальной картине параллели с повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама».

2. Мотив ненастья

Прежде всего, эти произведения объединяет мотив ненастья, именно он «вводит» читателя в текст: в романе А. Иванова мы видим его воплощение и в названии, и в подзаголовке («В каком ненастье ты пропал без вести, солдат?»), а пушкинская повесть начинается с упоминания о ненастье в эпиграфе:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули — бог их прости! —

От пятидесяти
На сто.
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом [Пушкин, 1981, с 207].

Ненастье в этих строках становится *фоном развития и игры, и человеческих страстей*. Так и в произведении А. Иванова ненастье — сквозной мотив, постоянно сопровождающий действие. Это и пространственный образ: события разворачиваются вокруг дачного кооператива Деревня Ненастье, — но это и обобщённый образ жизненных невзгод, и психологическое состояние безысходности. Сюжет романа фактически строится на том, что герой стремится уехать из Ненастья, увезти оттуда любимую женщину и одновременно преодолеть безысходность, поспорить с судьбой.

3. Мотив различия эпох

Пушкинский эпиграф к «Пиковой даме» может быть истолкован с различных точек зрения [Ильин-Томич, 1989], и в контексте сопоставления с романом А. Иванова особенный интерес представляет интерпретация стихотворения-эпиграфа как *ритмической цитаты*. Ритм эпиграфа ассоциируется с ритмом агитационной песни Бестужева и Рылеева «Ах, где те острова...» [Ильин-Томич, 1989, с. 103] или другой их песни — «Ты скажи, говори» [Эйдельман, 1986], которая звучит более радикально:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят...

Н. Эйдельман считает, что эта ритмическая цитата работает на *сопоставление эпох*: трудясь над «Пиковой дамой», Пушкин «в ненастные дни» 1833 года вспоминал декабристов, которые прежде тоже «собирались часто» и «занимались делом», за которое пожертвовали всем, но пришли новые «ненастные дни», настали времена других людей, других, уже совсем не романтических интересов и совершенно иных дел [Эйдельман, 1986].

В романе А. Иванова сопоставление разных эпох тоже имеет концептуальное значение и, кроме того, выполняет организующую функцию в сюжетно-композиционном построении. В произведении два основных хронологических плана: 1990-е годы и 2008 год (гораздо меньше романного «пространства» занимает время службы героев в Афганистане, хотя этот период связан с важным сюжетным «узлом»: именно тогда завязались их взаимоотношения). На протяжении каждого временного отрезка развивается свой сюжетный цикл. Первый хронологический период для главного героя Германа Неволлина связан с поражениями и победами, с конфликтами и дружбой, с борьбой за свои права, за «место под солнцем», второй же — с ощущением уже прошедшей жизни, предрешённости дальнейшего «серого» существования, и герой стремится этот ход событий переломить, совершить поступок, который всё изменит, поможет найти счастье и ему, и, главное, его любимой женщине Танюше Куделиной: «Всё, что могло сбыться, у него уже сбылось, а чему не бывать — тому и не бывать, аминь; но непрошеное равновесие судьбы оказалось невыносимо, и Герман нарушил его, сдвинув на карабине флажок предохранителя» [Иванов, 2015, с. 7].

Пушкин, если принять версию Н. Эйдельмана, начинает эпиграф с противительного союза, чтобы актуализировать *антитезу двух эпох*, причём характеристика первой из них остаётся в подтексте, она создаётся «от обратного» — через противопоставление. Первая эпоха — декабристская — это время ярких, впечатляющих действий, противостояния героев-борцов государственной системе, романтически окрашенной битвы за правду. Вторая — 1830-е годы — это время унылого и давящего «ненастья», без поэтического окрыления и романтизированных надежд, в этот период место возвышенной борьбы за идеалы занимает для многих иное «дело» — стяжательство, обустройство своего «места под солнцем».

А. Иванов проводит сходное сопоставление времён. В его изображении 90-е годы, несмотря на все их эксцессы, несли в себе некое живое начало. В эту эпоху, конечно, были и жестокость, и цинизм (самым ярким примером становится сцена разгона рынка), но были и верность, и самоотверженность, и смелое противостояние властям в борьбе за справедливость, и «афганская идея» Лихолетова, которая тоже по-своему романтизирована (чего стоят, например, непоколебимая уверенность Лихолетова в том, что «афганец афганца не закажет», его упрямое нежелание нанести противнику «упреждающий удар», его слова: «Работаю я за деньги, но если меня посадят или убьют — то за идею» [Иванов, 2015, с. 62]). А 2008 год — время антиромантическое, эпоха торжества тех, кто может переступить любую моральную границу ради выгоды. Новый хозяин города Щebetовский

выигрывает выборы руководителя организации бывших «афганцев», под названием «Коминтерн», потому что одним платит, другим раздаёт квартиры, третьих продвигает по службе, и почти все с этим смиряются и, более того, с готовностью этим пользуются. Именно поэтому эпоха 2000-х годов, когда все что-то покупают и кому-то продаются, представляется Герману временем пустым и бутафорским. Об этом он задумывается, когда приезжает на вокзал и вспоминает, как в 1993 году он с товарищами (по плану Лихолетова, который тот сумел передать из-за решётки) захватывал станцию, чтобы заставить власти выпустить из СИЗО арестованных друзей: «Одноэтажное здание вокзала с арочными окнами сейчас было заново оштукатурено и покрашено в прянично-розовый цвет. А тогда оно было облупленное... Что ж, нынче время такое, пряничное и розовое — и сладко, и вроде даже сытно, но не еда...» [Иванов, 2015, с. 20—21]. Таким образом, как в «Пиковой даме», так и в «Ненастье» выражается авторская *ирония по отношению к наступившей «деловой» эпохе.*

4. Герман и Германн

Если обратиться к литературной ономастике, то имя главного героя «Ненастья» — *Герман*, а также его прозвище *Немец* тоже прочитываются как отсылка к «Пиковой даме». Эти произведения объединяет и принцип *репрезентации характеров* главных героев: каждый из них воспринимается окружающими иллюзорно, но перед читателем раскрывается совершенно иначе. Пушкинского Германна офицеры-игроки считают расчётливым и хладнокровным человеком, они связывают это с его немецким происхождением и объясняют этими чертами его неучастие в игре. Однако за внешним спокойствием скрываются «сильные страсти и огненное воображение» [Пушкин, 1981, с. 215]. Героя романа «Ненастье» окружающие воспринимают как «тихое ничто» [Иванов, 2015, с. 27], на первый взгляд это обыватель, заурядный «маленький человек» конца XX века [Ноговицын, 2015], но в действительности перед нами личность, способная на поступок. Речь идёт даже не о самом по себе ограблении броневика, которое, впрочем, немало удивляет Басунова или Щebetовского, привыкших видеть в Германе лишь «долдона» и исполнителя приказов. Речь — о способности сломать привычный ход жизни и пойти на огромный риск, а также о поэтической мечте подарить «земной рай» любимой женщине.

5. Мотив противостояния человека судьбе

Названные выше сходные черты героев выводят нас на общий для двух произведений *мотив противостояния человека и фатума*. Судьбы обоих персонажей складываются до определённого момента не слишком

удачно, но и не трагически, однако оба не смиряются со спокойной, но «серой» жизнью, бросают вызов сложившимся обстоятельствам. Обоим представляется при этом, что изменить судьбу поможет лишь финансовое благополучие. Правда, герой «Пиковой дамы» действует исключительно из корыстных соображений: он мечтает о богатстве и использует увлечшуюся им Лизу, чтобы завладеть секретом графини и выиграть огромную сумму, в то время как герой романа А. Иванова задумывает ограбление не ради денег как таковых, а ради того, чтобы подарить другую, более светлую жизнь своей Танюше. Таким образом, в первом случае влюблённая женщина превращается в средство, в «инструмент» для решения финансовой задачи, во втором же случае всё наоборот. Тем не менее оба пути ведут к преступлению, к нарушению моральной нормы и, как следствие, к «ненастью» в душах героев.

6. Мотив страсти к деньгам

В обоих произведениях реализуется *мотив страсти к деньгам*. Германн в повести А. С. Пушкина с самого начала одержим этой страстью, которая съедает его душу и ограничивает интересы: «Постепенно отчуждаясь от живой жизни и погружаясь в стихию страсти, Германн воздвигает между собой и другими людьми некое подобие стены...» [Мартьянова, 2014, с. 55]. Как писал Г. Гуковский, «Пиковая дама» — это повесть о власти денег над личностью [Гуковский, 1957], причём власть эта настолько сильна, что превращается в страшную тёмную силу, — не случайно исследователи, например Ю. Манн, упоминают в связи с «Пиковой дамой» фаустовскую тему [Манн, 1969]. Германн настолько самозабвенно отдаётся своей мечте, что в его образе можно увидеть даже некое поэтически-возвышенное начало, поскольку такая яркая страсть, пусть и к прозаичному предмету, сама по себе уже в определённом смысле романтизирована, как уже отмечалось в критике [Raskolnikoff]. Германн же в романе А. Иванова поддаётся подобной страсти постепенно. И в этом определённую роль сыграло то, что он благодаря случайности завладел гораздо большей суммой, чем рассчитывал. Эта сюжетная деталь вновь вызывает ассоциацию с пушкинским эпитафием, в котором игроки увеличивают куш «от пятидесяти на сто». В определённый момент у Германа возникает такое чувство, что он, взяв деньги, уже не в силах с ними расстаться, как будто наступил на мину и не может с ней сойти. Когда ему нужно бежать из Ненастья, он сам себе приводит различные аргументы против этого, не решаясь откровенно признать: по сути, он просто не может оставить без присмотра огромную сумму денег.

7. Мотив «неведомой силы», движущей героем

В пушкинской повести Германн идёт по Петербургу, думая о рассказанной Томским истории и о перспективе выигрыша, и мистическим образом оказывается около дома графини, а потом то же самое происходит снова. В романе А. Иванова Герман несколько раз собирается уехать из Ненастья и вновь возвращается туда, как будто не в силах разорвать какую-то мистическую связь. Можно, конечно, объяснить случайностью путь пушкинского героя, а привязанность ивановского Германа к Ненастью истолковать как банальную жадность, но в обоих случаях за этими поверхностными объяснениями стоит нечто более глубокое и иррациональное. В повести А. С. Пушкина мы читаем: «Германн затрепетал <...> Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о чудной её способности <...> пошёл опять бродить по городу и опять очутился перед домом графини***. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему» [Пушкин, 1981, с. 216]. В романе А. Иванова тоже героем управляет подобная неведомая сила: «Да уж, Ненастье... То ли здесь погибель души, а то ли белый свет без Ненастья — как храм без креста» [Иванов, 2015, с. 139]; «...он не может уйти из Ненастья. Ну никак, хоть ты сдохни. Из него словно душу высасывает. Что его тянет обратно? Страх за мешки с наличкой? Любовь к Танюше? Память о прожитых в Багуеве годах? Да не важно. Просто он не может уйти» [Иванов, 2015, с. 230]. Оба писателя раскрывают в своих произведениях сходные мотивы, показывая влияние страстей на душу и разум человека, акцентируя внимание на роли *иррационального начала* в объяснении ключевых для сюжетного развития поступков героев.

8. Характеры и судьбы героинь

Если параллели в изображении главных персонажей повести А. С. Пушкина и романа А. В. Иванова достаточно чётко просматриваются, то и в *женских образах* можно отметить определённое сходство: перед нами фигуры своего рода бедных родственниц. Лиза в «Пиковой даме» живёт и воспитывается в доме графини «из милости» и вынуждена терпеть её придирки, пренебрежительные взгляды завсегдатаев светских гостиных; Танюша в «Ненастье» — нелюбимый ребёнок, презираемый родными. Лизе единственным выходом из унижительного положения видится замужество, и она всей душой стремится к этому шагу; Танюша названа в романе А. Иванова «Вечной Невестой», она тоже как будто ждёт выхода в какую-то иную жизнь.

Однако в пушкинской повести образ Лизаветы Ивановны постепенно снижается, лишается «однозначности, оказываясь двойственным и даже двусмысленным» [Красухин, 1997, с. 65]. Если вначале Пушкин акцен-

тирует «сентиментально-элегическую настроенность героини, ее жажду идиллического любовного общения» [Болотникова, 2016, с. 10], возвышающую её в глазах читателя, особенно на фоне цинизма её избранника, то финал откровенно ироничен по отношению к героине: судьба её складывается благополучно и обыкновенно, и она воспитывает в своём доме бедную родственницу — эта деталь ставит Лизавету Ивановну в один ряд с графиней, которая в молодости была способна на страсти и авантюры, а впоследствии превратилась в сварливую старуху. В романе же А. Иванова эволюция образа героини совершенно иная. Сначала в её жизни всё тоскливо-обыкновенно, «бесцветно», а к финалу любовь делает её способной на яркий поступок: она спасает Германа, вступая в схватку с сильным и жестоким противником. Она преодолевает «ненастья» в своей душе, в своей судьбе, и в её жизни появляется смысл, именно поэтому, как пишет в своей статье «Выход из ненастья» А. Жучкова [Жучкова, 2017], неудачное преступление Германа превращается в экзистенциальную победу.

9. Заключение

Таким образом, пушкинское слово органично входит в систему художественных средств писателя начала XXI века: в романе А. В. Иванова «Ненастье» просматриваются отчётливые параллели с повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама» в мотивной структуре, проблематике, системе образов. Мотив ненастья, который является фоновым в обоих произведениях, помогает ввести читателя в обстановку действия. Значительную роль играет в произведениях и А. С. Пушкина, и А. В. Иванова мотив сопоставления двух времён: романтизированного и антиромантического. Он даёт читателю возможность осмыслить ироническое отношение авторов к «деловой» эпохе, с её давящей обстановкой. Не случайна перекличка имён героев: Германа и Германна — это связано и с принципом репрезентации их характеров, и с тем, что оба пытаются противостоять судьбе, вступить в опасную игру с ней. Объединяет героев и ощущение мистической, неведомой силы, влияющей на них, в их поступках просматривается нечто иррациональное. Кроме того, сопоставление образов этих персонажей выводит читателя на мысль о том, какую власть могут иметь деньги над человеком. Образы героинь — «бедных родственниц» — также во многом сходны, что оттеняет различие их эволюции в произведениях.

Взгляд на роман, написанный в XXI веке, через призму интертекстуальности может помочь открыть в нём глубокие пласты содержания, которые связаны с вечными вопросами смысла жизни, власти страстей, добра и зла. А это делает произведение не просто криминальным романом и не только картиной смены эпох, но и философской историей о человеке и судьбе.

Источники и принятые сокращения

1. *Иванов А. Ненастье* / А. Иванов. — Москва : АСТ, 2015. — 640 с.
2. *Пушкин А. С. Пиковая дама* / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 томах : том 5. — Москва : Правда, 1981. — С. 207—231.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47—54.
2. *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров — Москва : Искусство, 1979. — С. 361—373.
3. *Болотникова О. Н.* «Дева у окна» и «стук у ворот» : семантика мотивов окна и двери в русской литературе 1800—1830-х гг. / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 5—15.
4. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. — Москва : ГИХЛ, 1957. — 416 с.
5. *Гюббенет И. В.* Основы филологической интерпретации художественного текста / И. В. Гюббенет. — Москва : Изд-во МГУ, 1991. — 205 с.
6. *Жучкова А.* Выход из ненастья / А. Жучкова // Вопросы литературы. — 2017. — № 2. — С. 83—95.
7. *Ильин-Томич А. А.* «Пиковая дама означает...» / А. А. Ильин-Томич // «Столетия не сотрут...» : русские классики и их читатели / сост. А. А. Ильин-Томич. — Москва : Книга, 1989. — С. 85—160. — ISBN: 5-212-00025-4
8. *Красухин Г. В.* Пушкин—Болдино, 1833 : новое прочтение : Медный всадник, Пиковая дама, Анджело, Осень / Г. В. Красухин. — Москва : Флинта, 1997. — 192 с.
9. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Об искусстве / Сост. М. Ю. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 1998. — С. 423—436.
10. *Манн Ю.* Русская философская эстетика / Ю. Манн. — Москва : Искусство, 1969. — 304 с.
11. *Мартьянова С. А.* Образ Германна в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» : национальное и общечеловеческое / С. А. Мартьянова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 53—57.
12. *Ноговицын Г.* Несчастное «Ненастье» Алексея Иванова [Электронный ресурс] / Г. Ноговицын // «Звезда» : Интернет-журнал. — 10.05.2015. — Режим доступа : <http://zvzda.ru/articles/730fd0d5ac765> (дата обращения : 11.12.2017).
13. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — Москва : Агар, 2000. — 280 с.
14. *Эйдельман Н. Я.* Две тетради : (заметки пушкиниста) / Н. Я. Эйдельман // Пути в неизвестное : писатели рассказывают о науке : сб. 20 / Сост. Б. Г. Володин. — Москва : Советский писатель, 1986. — С. 284—316.
15. *Raskolnikoff F.* Иррациональное в Пиковой даме / F. Raskolnikoff // Revue des études slaves. — 1987. — Т. 59. — Fascicule 1—2. — P. 247—261.

MATERIAL RESOURCES

- Ivanov, A. (2015). *Bad weather*. Moscow: AST. 640 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1981). The Queen of Spades. *Pushkin A. S. Sobr. cit.: in 10 volumes*.(5). Moscow: Pravda, 207—231. (In Russ.).

REFERENCES

- Akhmanova, O. S., Gyubbenet, I. V. (1977). «Vertical context» as a philological problem. *Questions of linguistics*, 3: 47—54. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). To the methodology of the humanities. In: S. G. Bocharov (ed.). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art. 361—373. (In Russ.).
- Bolotnikova, O. N. (2016). «The Virgin at the Window» and «Knock at the Gates»: Semantics of Window and Door Motifs in Russian Literature in the 1800s—1830s. *Bulletin of the Tomsk State University*, 405: 5—15. (In Russ.).
- Eidelman, N. Ya. (1986). Two notebooks: (notes of a Pushkinist). In: B. G. Volodin (ed.). *Paths to the unknown: writers talk about science: sat. 20*. Moscow: Soviet writer. 284—316. (In Russ.).
- Fateeva, N. A. (2000). *Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts*. Moscow: Agar. 280 p. (In Russ.).
- Gukovsky, G. A. (1957). *Pushkin and the problems of realistic style*. Moscow: GIHL. 416 p. (In Russ.).
- Gyubbenet, I. V. (1991). *Fundamentals of philological interpretation of literary text*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 205 p. (In Russ.).
- Ilyin-Tomich, A. A. (1989). «The Queen of Spades means...». In: A. A. Ilyin-Tomich (ed.). *«Centuries will not erase...»: russian classics and their readers*. Moscow: Kniga. 85—160. ISBN: 5-212-00025-4 (In Russ.).
- Krasukhin, G. V. (1997). *Pushkin—Boldino, 1833: new reading: The Bronze Horseman, The Queen of Spades, Angelo, Autumn*. Moscow: Flinta. 192 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1998). Text in the text. In: Yu. M. Lotman (ed.). *About art*. St. Petersburg: Art. 423—436. (In Russ.).
- Mann, Y. (1969). *Russian philosophical aesthetics*. Moscow: Art. 304 p. (In Russ.).
- Martyanova, S. A. (2014). The image of Hermann in the story of A. S. Pushkin «The Queen of Spades»: national and universal. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky*, 2 (2): 53—57. (In Russ.).
- Nogovitsyn, G. (2015). Unhappy «Bad weather» Alexey Ivanov. *«Star»: Internet magazine*. Available at: <http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765> (date accessed: 11.12.2017).
- Raskolnikoff F. (1987). Irrational in the Queen of Spades. *Revue des études slaves*, 59(1—2): 247—261. (In Russ.).
- Zhuchkova, A. (2017). Exit from bad weather. *Questions of literature*, 2: 83—95. (In Russ.).